

**Александра Салиева
Анастасия Пырченкова**

**БЫВШИЕ.
ЭТО (НЕ) ТВОЙ СЫН**

УДК 82-3
ББК 84-4
С16

Салиева А.
С16 Бывшие. Это (не) твой сын / Александра Салиева, Анастасия Пырченкова – М.: Литнет, 2025. – 352 с.

ISBN 978-5-521-94240-4

— Если хочешь, чтобы я позволил тебе быть рядом с сыном, то придется соответствовать, — произносит он равнодушно.

Мужчина возвышается надо мной, подобно скале. Сильный. Несокрушимый. Тот, кто раздавит, и не заметит. Абсолютно чужой.

А ведь когда-то все было иначе...

— Ты будешь милой, тихой, улыбчивой и очень отзывчивой. Ты будешь обслуживать меня каждый раз, когда я захочу, как я захочу и где захочу, — не просто сообщает, выносит вердикт.

— Если откажусь?

— Если тебя что-то не устраивает, то никто не держит, — указывает мне на дверь. — Хоть сейчас уходи, куда хочешь. Мне плевать. Сын останется со мной.

Случайная встреча в клубе. Один взгляд полночно-синих глаз. И я покорена. А он... совершенно не тот, с кем стоило связываться. Опасный. Жестокий. Безжалостный. Тот, от кого я успешно скрывалась целых пять лет. Но он все равно нашел меня. И на этот раз мне от него никуда не скрыться. Ведь у меня от него сын, и он тоже теперь об этом знает.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94240-4

© Литнет, 2025
© А. Пырченкова, 2025
© А. Салиева, 2025

Глава 1

Тая

Весь распорядок в офисе нашего холдинга перевернулся вместе с приходом нового босса. Сегодня меня здесь вообще не должно быть. У меня отпуск. Но начальство решило, что много отдыхать вредно. Приказано явиться всем, без исключения. О чем сообщили лишь час назад. И теперь я, вместо того чтобы идти с сыном на каток в парк, рассматриваю себя в зеркало лифта. В одной руке у меня снятое еще в холле красное зимнее пальто, а другой – я поправляю одежду, спешно нанесенный макияж и убираю выпавшие из заплетенной косы влажные из-за снегопада пряди светлых волос. И уже на выходе замечаю на спине блузы отпечаток детской ладони, оставленный белой краской.

– Вот же... – не сдерживаюсь, понимая, что на этот раз прозрачно-бежевой ткани точно пришла хана.

Но губы растягиваются в непроизвольной улыбке. Все-таки не умею я по-настоящему сердиться на моего мужчину. К тому же пятно легко скрыть за завесой распущенных волос, чем и занимаюсь, пока иду в сторону главного конференц-зала.

В пункте назначения я нахожу больше десятка человек, на чьих лицах отражается одновременно взбодораженность и подавленность. На вопрос о том, что происходит, слышу:

– Нас всех уволят!

Тамара Станиславовна – одна из тех, кто работает здесь давно, и не станет паниковать на пустом месте, поскольку считается замечательным специалистом, так что в ее словах есть доля правды. С момента смены власти в нашей компании прошли едва ли сутки, а наш генеральный директор уже снят с должности. И не один, а вместе со своими заместителями и их прихлебателями.

– А девочки говорят, он красив, как бог, – кокетливо протягивает стоящая в стороне от нее Лиза – секретарь бывшего босса.

Вот же счастливая – вечно летает где-то среди облаков. Порой кажется, начнись апокалипсис, она все равно будет мечтательно вздыхать о каком-нибудь красавчике. Впрочем, это ей нисколько не мешает ответственно подходить к своей непосредственной работе. Уникум, а не девушка, как по мне.

– И настолько же жесток, – кривит губы все та же Тамара Станиславовна.

– А вы что? Уже с ним знакомы? – заинтересовывается еще одна девушка, но уже из бухгалтерии.

– Наслышана, – важным тоном отзывается женщина, демонстративно отворачиваясь ото всех, делая вид, что февральский снегопад за окном интересует ее куда больше.

В ответ на дальнейшие расспросы она строит «умное» и «знающее» лицо, но делиться информацией не спешит. Да и ладно. Лично меня все равно больше интересует не то, кто и насколько красив или жесток, а чем нам грозит смена власти. Все ли останутся на своих рабочих местах? С учетом моего не самого долгого периода работы в компании – всего шесть месяцев – так себе перспективка вырисовывается.

А народ прибывает и прибывает. Назначенное время подходит к нулевой отметке. В конференц-зале становится слишком душно из-за того, сколько персонала здесь собирается, несмотря на работающий кондиционер.

Проходит еще не менее получаса, прежде чем к нам присоединяется новое действующее лицо. Точнее, четыре. Тот, кого мы все, собственно, ждем, и еще трое. Двое амбалов с внушительными стопками папок, а также одна рыжая... кхм... в общем, на ее длинных ногах сосредотачивается все внимание присутствующих. Очень уж заметно выделяются они на фоне двенадцатисантиметровой шпильки и черного платья минимальной длины. Все пялятся исключительно на нее. Я же...

Я будто падаю в бездонную пропасть прошлого. Лечу на всей скорости вниз, отчаянно пытаюсь зацепиться хоть за что-то и не имея возможности. Ведь это не может быть правдой! Это не может быть он! Только не он! И вместе с тем я отчетливо понимаю, что так оно и есть. Игнат Орлов. Известный бизнесмен. Очень влиятельный человек. И просто тот, кто разрушил мою жизнь до основания, сам того не ведая. Здесь. Собственной персоной.

Как такое возможно?!

— Здравствуйте...

— Добрый день...

Все здороваются с ним наперебой, всячески выражая почтение. У меня же язык к небу прилипает. В голове мелькают образы прошлого один за другим, кружатся в хороводе хаоса, а вместе с ними и обстановка вокруг. Я крепче сжимаю в руках пальто и мысленно убеждаю себя не поддаваться накатывающей панике. Но она никак не желает отступать.

Ну вот все-таки как? Как такое возможно? То есть как — понятно. Наверное. Другой вопрос: что он *здесь* делает?! Неужели как-то узнал о Максе? И если да, то что предпримет? Господи, дай мне сил в таком случае, и побольше! Если и правда знает, тогда почему сразу не пришел ко мне? Получается, не в курсе?

Столько вопросов. И ни одного ответа. Да и проносятся эти мысли в моем многострадальном разуме за считанные мгновения, сменяемые звуком давно позабытого голоса:

— Здесь не все.

Негромкое. Холодное. Безразличное.

В кожу словно множество ледяных осколков впивается, царапая и оставляя обжигающие и кровоточащие следы, пока Игнат осматривает всех и каждого, а я — его.

А он все такой же. Как там Лиза сказала? Красив, как бог? Очень точное определение. Возраст только добавил этой самой красоты его совершенным, по-аристократически правильным чертам

лица. Сколько ему сейчас? Тридцать два, кажется. Выглядит чуть старше. И взгляд полночно-синих глаз тяжелее прежнего. Только полуулыбка, вернее, ее подобие, та же, полная насмешки, мрачности и обещания. Как напоминание о том, что таким, как Игнат Орлов, можно восхищаться лишь на расстоянии, но ни в коем случае не сближаться. Съест и не подавится. Истинный зверь. Вот и черный костюм классического кроя не способен в полной мере скрыть мощь его тренированного тела, которая невидимыми волнами исходит от него, распространяясь по всему конференц-залу, вынуждая трепетать перед ним против воли.

Он не перекачан, нет, несмотря на кажущиеся излишне широкими затянутые в пиджак плечи. Видела я шкафчиков, у которых мышц в теле больше чем мозгов. Например, те, что с ним пришли. В Игнате как раз все сбалансировано. Ум и физическая выносливость. Тем опаснее стоящий передо мной мужчина. Витающий в воздухе морозный аромат парфюма с морскими нотками только усиливает это ощущение, отчего я мысленно повожу плечами.

Давно позабытый страх резко давит на сердце, вынуждая хватать ртом воздух с еще большим усердием, чем прежде. Или это просто я забываю, что надо дышать? *Как* надо дышать. Хотя лучше бы я вовсе не дышала на самом деле. Потому что тогда бы я точно знала, что мне ничего не грозит. А вот так...

— Господи... — все же вырывается из меня.

Не так уж и громко, но Игнат слышит. Цепкий взгляд впивается подобно тысячам игл. Он выгибает бровь. Я же отворачиваюсь и по-прежнему пытаюсь прийти в себя, осознать, что все это по-настоящему. А еще порадоваться тому, что меня, похоже, не помнят. Но я все равно не расслабляюсь. Потому что стоит только представить, что будет, когда он поймет, узнает... Нет! Нельзя этого допустить! Ни в коем случае! Это будет крах всего, за что я боролась все эти пять лет!

Последние мысли помогают окончательно взять себя в руки и сосредоточиться на настоящем.

– Все, Игнат Алексеевич, – реагирует Сергей Михайлович на ранний выпад начальства.

Да с таким виноватым видом, словно лично на него возложили обязанность по явке персонала, и он не справился.

– Кроме двоих, которые на больничном, – спешно поправляет его Лиза. – Они... – и тут же прикусывает язык, вжимая голову в плечи под суровым взглядом Орлова.

– Кто?

Взгляд Сергея Михайловича становится еще более виноватым.

– Киселев и Тарасова. Первый с пневмонией, в больнице, его не отпустили. У второй ребенок температурит, – признается он. – Тридцать восемь. Оставить не с кем. Она дочку одна воспитывает, – оправдывается за отсутствие сотрудников.

Обе причины вполне уважительны. Но не для Орлова.

– Сколько лет? – слегка прищуривается Игнат.

– Кому? Тарасовой? – бестолково моргает собеседник.

На губах нового босса расплзается ядовитая ухмылка.

– Ну не мне же, – произносит снисходительно. – Дочери, – добавляет мрачно.

С таким видом, словно устал с умственно отсталыми общаться, а все равно приходится. Так и хочется сказать, чтобы не терпел и уходил поскорее, все будут только рады. Но я, конечно же, молчу.

– Т-тринадцать, – тихонько отзывается Сергей Михайлович, вжимаясь спиной в стул.

Словно знает, что будет дальше.

– Понятно. Киселев уволен. Как и Тарасова. Ты – тоже, – равнодушно выносит вердикт Орлов, после чего забывает о человеке, повернувшись к той, с кем пришел сюда.

И мне бы посочувствовать им, но на деле я думаю о том, что не нужно было сегодня приходить. Тогда бы и меня, глядишь, уволили. Заочно, без лишних встреч.

– Кхм... Итак... – показательно прокашливается рыжая, тем самым

заставляя возникший гул голосов стихнуть. Дождается, пока в конференц-зале воцарится молчание, и продолжает: – Меня зовут Агата. Я являюсь личным референтом Игната Алексеевича. Если у вас есть какие-либо вопросы, сможете задать их через меня. После того как совещание закончится.

Ну да, не пристало барину лично общаться со своими холопами... Вместе с тем данная новость приносит своеобразное облегчение. Не общаться – это хорошо, просто замечательно. Да и совещание – название сомнительное. То, что происходит дальше, похоже, скорее, на распятие.

– Лоскутов Валерий Леонидович, – произносит референт, подавая верхнюю из папок Орлову.

После того как папка оказывается в руках мужчины, тот, кого назвали, поднимается на ноги. Но Игнат даже не открывает личное дело. Папка летит на пол. Всего один мимолетный взгляд на Лоскутова, и...

– Уволен.

Вздрагиваю. И не я одна. Тот, кому только что вынесли приговор, вовсе бледнеет. Некоторое время еще сомневается в принятом начальством решении, но ровно до момента, пока его показательно не провожают на выход из конференц-зала. В помещении и без того было тихо, а теперь все аж дышать перестают.

– Лебедев Антон Семенович.

К первой папке, валяющейся на полу, с грохотом присоединяется вторая.

– Уволен.

В отличие от Лоскутова, Антон Семенович покидает нас самостоятельно, с гордо поднятой головой. Я же по-настоящему сочувствую мужчине, которому до пенсии остается всего два года и новую работу по специальности найти будет совсем не просто, если вообще возможно. Моя растерянность сменяется злостью на Орлова. Особенно когда звучит новое имя и совсем другой вердикт.

– Беляева Елизавета Тимофеевна.

– Хм... – взгляд Орлова останавливается на нашей гиперэмоциональной блондинке, которая готова уже в обморок грохнуться от происходящего. Но папка с ее личным делом плавно опускается на стол, не падает на пол. – Следующий.

Агата согласно кивает, и подает новое личное дело.

– Дементьева Тамара Станиславовна.

– Уволена.

Тоже предпенсионного возраста. И хоть мы с ней не особо ладим, я не могу не сочувствовать, когда понурая женщина идет к дверям конференц-зала.

Так повторяется еще несколько раз, прежде чем наконец звучит мое имя:

– Туманова. Таисия Олеговна.

Полночно-синий взор сосредотачивается на мне. Секунда проходит. Другая. И еще несколько. Я в это время молюсь всем известным и неизвестным богам, чтобы меня уволили, стараясь не задумываться о том, почему Игнат не спешит озвучивать свое решение и так пристально изучает мою персону. И вообще стараюсь смотреть куда угодно, только не на него. А он все молчит и молчит. Хоть обморок изображай, честное слово!

– Возраст? – наконец нарушает молчание.

У самого папка перед глазами. И все равно у меня спрашивает. В документ вовсе не смотрит. Меня так и тянет соврать или вовсе нагрубить и сбежать отсюда поскорее, но я сдерживаю эмоции и отвечаю как есть:

– Двадцать три.

– Образование?

– Высшее юридическое.

Взгляд Орлова скользит с моего лица ниже, к зоне декольте, и еще ниже. Разглядывает, будто купить собирается. Придирчиво. Не спеша. Раздражающе. А я вдруг зачем-то начинаю размышлять

о том, что, несмотря на возраст и рождение ребенка, по-прежнему похожа на угловатого подростка со всего лишь вторым размером груди. И на бедрах, скрытых узкой юбкой, полно беременных растяжек. И... Боже, о чем я только думаю?! Совсем рехнулась, что ли, на фоне нервного потрясения?!

– Семейное положение? – задает новый вопрос Орлов, больше похожий на приказ.

И вот на него я отвечаю не сразу. Совсем не хочется признаваться, что одинока. Да только в личном деле отметка стоит именно такая, не соврать. Впрочем...

– Не замужем. Но имеется жених.

И на мгновение дышать перестаю от собственной то ли смелости, то ли глупости. Лучше б вовсе молчала! И по-прежнему не смотрела в его сторону. Особенно, если учесть, какой нехороший оттенок появляется в его ухмылке.

– Может, и в декрет в таком случае тоже собираешься?

От упоминания о ребенке сердце сбивается с ритма и начинает биться быстрее прежнего.

– Может, и собираюсь, – отвечаю больше на автомате, чем осознанно.

Он ведь не знает, правда? Пожалуйста, пусть это простой вопрос, а не намек!

– Зря.

Ответ не развеивает мои опасения. Наоборот, заставляет сомневаться и нервничать еще больше.

– Уволите? – все же интересуюсь с надеждой на лучшее.

Не смогла скрыть эмоцию. И, похоже, в моем голосе ее чересчур много слышится, потому что Игнат склоняет голову чуть влево. Опять молчит. Секунд пять. А потом...

– Следующий.

Папка с моим личным делом остается на столе. И это самое удручающее и печальное зрелище в моей жизни за последние пять